

РІВНЯННЯ ІНТЕГРАЛІ

Серия «Дореволюционные периодические издания»

Русский архив

Историко-литературный сборник

В 155 томах

Том 35

1878

№ 1-4

Репринтное издание 1878 года

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Тверьская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской

Санкт-Петербург
Альфарет
2010

5а-346115

(Гол. шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878.

3.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Турецкая война при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ. Записка-неизвѣстнаго участника оной, съ предисловіемъ **С. В. Сафонова** 255
2. Московская старина. Археологическая прогулка по Московскимъ улицамъ **А. А. Мартынова**. III. Тверская улица. 274
3. Письмо графа **Ф. В. Ростопчина** о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія (1794), съ предисловіемъ и примѣчаніями. 292
4. Изъ Записокъ **Марьи Сергѣевны Мухановой** (Служба Сергѣя Ильича Муханова.—Опала и милости Павла Петровича.—Императрица Марія Феодоровна.—Придворная жизнь.—1812 г.—14 Декабря 1825.—Путешествія на Кавказъ) 299
5. Родословная Мухановыхъ 326
6. Изъ Воспоминаній принца **Евгенія Виртембергскаго**. (Поѣздка въ Петербургъ въ 1825 году. Междуцарствіе. 14 Декабря.—Графъ Дибичъ). 330
7. Графъ **Остерманъ-Толстой** по преданіямъ жителей Женевы. 360
8. Письмо Московскаго митрополита **Филарета** къ **А. П. Озерову** въ Аѳинѣ (о Греко-Болгарскомъ несогласіи). 364
9. Россія и Сербія въ концѣ **Николаевскаго** царствованія (1853). Письмо неизвѣстнаго Сербя въ Петербургъ изъ Парижа. 366
10. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1870 года, **Д. И. Иловайскаго** 368
11. Графъ **В. А. Перовскій** (Очеркъ его жизни, посланіе въ стихахъ и письмо къ нему **В. А. Жуковскаго**. — Письмо графа **В. А. Перовскаго** къ **Ю. Ф. Самарину** въ 1849 году). 371

МОСКВА.

Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.

1878.

Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей Николаевского царствованія, графъ В. А. Перовскій по воспитанію и образованію своему принадлежалъ къ Александровскому времени. Это былъ человекъ высокихъ идеаловъ, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій; по вмѣстѣ съ общими свойствами лучшихъ Александровскихъ людей было въ немъ много своеобразнаго и ему только принадлежавшаго: при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при художественномъ складѣ сильнаго ума, графъ Перовскій отличался цѣльнымъ, самостоятельнымъ характеромъ, какихъ мало, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою людей прошлаго столѣтія. Его біографія должна быть предметомъ общепедагогическаго историческаго сочиненія. Но покаместъ, мы можемъ сообщить читателямъ Русскаго Архива лишь немногія свѣдѣнія объ его жизни.

Графъ Перовскій родился около 1795 г. (9 Февр.). Онъ получилъ воспитаніе въ Москвѣ, въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Квартирмейстерскимъ прапорщикомъ при казацкихъ полкахъ, въ арьергардѣ второй Багратионовской арміи, участвовалъ онъ въ Бородинскомъ бою. Французы задержали его 2 Сентября 1812 года на выѣздѣ изъ Москвы. Его записка о бѣдствіяхъ, которыя пришлось ему вынести, напечатана въ Р. Архивѣ 1865 года. Онъ видѣлъ страшный пожаръ Москвы и потомъ заточенъ былъ въ церкви Спаса на Бору. 17 Сентября его повели во Францію; въ Февралѣ 1814 года онъ очутился въ Орлеанѣ и бѣжалъ изъ плѣна (вмѣстѣ съ товарищемъ заключенія Петромъ Николаевичемъ Семеновымъ). Такимъ образомъ будущій государственный дѣятель прошелъ необыкновенную школу всяческихъ лишеній. По возвращеніи въ Россію, Перовскій причислился къ лейбъ-егерскому полку и, будучи въ то же время офицеромъ Генеральнаго Штаба, состоялъ адъютантомъ при графѣ П. В. Кутузовѣ, вмѣстѣ съ которымъ сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его образовательныхъ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ. Тутъ началось сближеніе Перовскаго съ будущимъ Государемъ. Перовскій имѣлъ помѣщеніе въ Аничковскомъ дворцѣ. Въ началѣ 1818 года, онъ назначенъ директоромъ канцеляріи генераль-инспектора инженеровъ, т. е. Николая Павловича и переехалъ жить въ Инженерный или Михайловскій замокъ (гдѣ занялъ бывшіе покои княгини А. П. Гагариной, на углу Садовой и Царицына луга). Около этого же времени, при дворѣ молодого великаго князя появляется Жуковскій, пріятельски знакомый еще по Москвѣ съ старшимъ братомъ Перовскаго, Алексѣемъ Алексѣевичемъ (извѣстнымъ подъ псевдо-

нимомъ Погорѣльскаго). Тѣсная дружба соединила навсегда Жуковскаго и В. А. Перовскаго. Заболѣвъ въ 1822 году, Перовскій долго лѣчился въ Италіи, вернувшись въ 1824 году и, будучи адъютантомъ Николая Павловича, исполнялъ его порученія во время междуцарствія и въ день 14 Декабря. Въ это роковое время онъ является однимъ изъ преданнѣйшихъ новому Государю лицъ. Извѣстно (по книгѣ барона Корфа), что была минута, когда народная толпа на Исаіевской площади, подучаемая мятежниками, вела себя беспокойно. За одно съ нѣкоторыми другими лицами, окружавшими Государя, Перовскій былъ предметомъ дерзкихъ выходокъ: ему нанесли ударъ въ спину полѣномъ. Въ 1828 г. Государь послалъ его изслѣдовать безпорядки въ Черноморіи; тутъ ему пришлось участвовать во взятіи Анапы, которую князь Меншиковъ громилъ со стороны моря. Затѣмъ Перовскій отправился къ Государю подѣ Варну, гдѣ былъ раненъ въ лѣвую сторону груди, такъ что ему вырѣзывали пулю. Только что вылѣчившись, уѣхалъ онъ въ Италію къ умирающей племянницѣ Жуковскаго, А. А. Воейковой, съ которою соединяла его возвышенная дружба. Около 1830 г. Перовскій поступилъ въ директоры канцеляріи начальника Морскаго Штаба, т. е. князя Меншикова. Годъ черезъ три потомъ послѣдовало его назначеніе Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ на мѣсто графа Сухтелена. Тамошнему краю посвящена большая часть его дѣятельной службы. Послѣ Хивинскаго похода (1839), онъ на нѣкоторое время оставлялъ это губернаторство и, назначенный туда вторично, предпринялъ новый степной Ахметскій походъ, памятникомъ котораго остался такъ называемый фортъ Перовскій. Походъ этотъ продолжался съ Мая по Сентябрь 1853 года. Перовскій проложилъ для Россіи пути въ Среднюю Азію. Въ нынѣшнее царствованіе Перовскій пожалованъ въ графы. Тяжкая болѣзнь заставила его покинуть службу. Онъ скончался въ Крыму, въ Алушкѣ, 8 Декабря 1857 года и похороненъ въ приморской скалѣ Георгіевскаго монастыря.

Нѣкоторое понятіе объ его личныхъ качествахъ могутъ дать нижеслѣдующія посланіе къ нему въ стихахъ и письмо Жуковскаго, относящіяся къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ къ жизни Перовскаго, и собственное письмо его къ Ю. Ѳ. Самарину. II. Б.

I.

ПОСЛАНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ В. А. ПЕРОВСКОМУ.

(Писано послѣ 1818 года).

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
 Ты другу во-время сказался!
 Къ любви душа была близка;
 Уже въ ней пламень загорался,
 Животворитель бытія,
 И жизнь отцвѣтшая моя
 Надеждой снова зацвѣтала,
 Опять о счастья мнѣ шептала
 Мечта, знакомецъ старины!...

*
 * *

Дорогой странникъ утомленный,
 Узрѣвъ съ холма неотдаленный
 Предѣлъ родимой стороны,
 Трепещеть, сердцемъ оживаетъ
 И жаднымъ взоромъ различаешь
 За горизонтомъ отчій кровь,
 И слышитъ снова шумъ дубовъ,
 Которые давно шумѣли
 Надъ нимъ игравшимъ въ колыбели
 Въ виду родительскихъ гробовъ.
 Онъ небо узнаетъ родное,
 Подъ коимъ счастье молодое
 Ему сказалося впервой
 Незыяснимымъ упованьемъ,
 Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
 Невыразимую тоской.
 Живымъ утраченное мнится,
 Онъ снова гость минувшихъ дней,
 И снова жизнь къ нему тѣснится
 Всей милой прелестью своей...

*
* *

Таковъ былъ я одно мгновенье!
 Прелестно-быстрое видѣнье,
 Давно не посѣщавшій другъ,
 Меня незапно навѣстило,
 Меня незапно уманило
 На первобытный жизни дугъ:
 Любовь мелькнула предо мною.
 Съ возобновленною душою
 Я къ лирѣ бросился моей,
 И подъ рукой нетерпѣливой *)
 Бывалый звукъ раздакъ въ ней!
 И мертвое мнѣ стало живо,
 И снова на бездушный свѣтъ
 Я оглянулся какъ поэтъ!...

*
* *

Но удались, мой посѣтитель:
 Не у меня тебѣ гостить!
 Не мнѣ о жизни возвѣстить
 Тебѣ, святой благовѣститель!

*) Вспомнимъ въ Посланіи А. С. Пушкина къ Жуковскому:
 Когда къ мечтательному міру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на колѣняхъ лиру
 Нетерпѣливую рукой...

Товарищъ, мной ты не забыть;
 Любовь друзей не раздружить.
 Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
 Едва отвѣданнымъ душой,
 Подорожу-ль передъ тобой?
 Сравню-ль его съ твоимъ страданьемъ?

*
 * *

Я вижу, молодость твоя
 Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
 И страсть, убійца бытія,
 Тебя безмолвно убиваетъ.
 Давно веселости ужъ нѣтъ!
 Гдѣ остроты пріятной живость,
 Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
 Товарищъ грустный—молчаливость
 Повсюду слѣдомъ за тобой.
 Ты, молча, радостныхъ дичишься
 И, къ жизни холоденъ, дружишься
 Съ одной убійственной тоской,
 Владѣльцемъ сердца одинокимъ....

*
 * *

Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ
 Я часто на лицѣ твоемъ
 Ловлю души твоей движенія:
 Болѣзнь любви безъ утоленья
 Изображается на немъ.
 Сіе смятеніе во взорѣ,
 Склоненномъ робко передъ *ней*;
 Несвязность смутная рѣчей,
 Въ желанномъ сердцу разговорѣ
 Перерывающійся гласъ;
 Къ тому что окружаетъ насъ
 Задумчивое невниманье;
 Присутствія очарованье
 И неприсутствія тоска;
 И трепеть, признакъ страсти тайной,
 Когда послышится случайно
 Любимый гласъ издалика;
 И это *все* что сердцу ясно,
 А выраженью неподвластно!

*
 * *

На то мой жребій далъ мнѣ право!....
 Но то, въ чемъ слабость бытія,
 Должно-ли быть ему отравой?
 Нѣтъ, милый, ободрись! Она

Столь восхитительна не даромъ:
 Души глубокой чистымъ жаромъ
 Сія краса оживлена.
 Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ!
 Не прелестью ума одной,
 Онъ чувства прелестью приманчивъ.
 Подъ сей веселостью живой
 Задумчивое что-то скрыто,
 Уныло-сладостное слито
 Съ сей оживленной красотой.
 Въ ней что-то искреннее дышетъ,
 И въ миломъ голосѣ ея
 Довѣрчиво душа твоя
 Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
 Всему, въ ней лучшему, родной,
 Въ нее участіе лющій
 И безъ усилія дающій
 Ей убѣжденье и покой.

* *

О вѣрсья жъ, другъ, *душу* прекрасной.
 Уже-ль природою напрасно
 Ей столько милаго дано?
 Люби—любовь и жизнь одно!
 Предайся ей, забывъ сомнѣнье
 И жребій жизни соверши:
 Она пойметъ твое мученье,
 Она пойметъ языкъ души!

23-го Іюля.

II.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ В. А. ПЕРОВСКОМУ, ИЗЪ ЧУЖИХЪ
КРАЕВЪ ВЪ РОССИЮ.

Мой милый Перовскій! Все что гр. Т. рассказывала о послѣднемъ
 времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Нѣ-
 сколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни. Понимаю
 вполне что съ тобою было, и если бы можно было въ подобныхъ
 случаяхъ завидовать, сказалъ бы, что я тебѣ завидую. Кто провелъ
 нѣсколько ночей какъ ты, въ чтеніи Евангелія, передъ самдою при-
 сутствующею смертію, въ переборѣ прошедшаго, и кто дружилъ
 такъ какъ ты въ эти минуты со смертію, тотъ получилъ самое же-
 ланное, то что мы никакими усиліями воли своей получить не мо-
 жемъ,—получилъ *опытъ сердца*. Вѣра не иное что какъ опытъ надъ
 нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось великое, ко-
 торое дается немногимъ и, судя по словамъ ***, я нахожу, что ты,
 своимъ здравымъ умомъ, выбралъ именно тотъ путь, по которому
 ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ, дойдешь
 къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертію,

которая въ этомъ случаѣ была только временный посланникъ - изъяснитель Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствія, съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на земное, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанина и стремленіе исполнять волю Спасителя тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе—лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что тебѣ сказали тѣ святія noci ожиданія смерти, въ которыхъ изъ Своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель. Ты человѣкъ практической; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность; пусть будетъ Онъ съ тобою на Оренбургскомъ губернаторствѣ. Будь вездѣ и во всемъ Онъ съ тобою: изъ этого выдетъ наконецъ миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ святія noci, которыя такъ благостно были Самимъ Богомъ тебѣ ниспосланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возьметъ на свои руки, къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

Я ѣду скоро, то есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ Отецествѣ, можетъ быть увидимся, хотя трудно мнѣ сообразиться, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ, и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку, разъ въ мѣсяць, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное! Правда? А увидишь, что не сбудется! Прощай!

Жуновскій.

P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе сказанному. Ты не созданъ для контемплативной жизни, хотя все подобное весьма доступно уму твоему. Если ты, вслѣдствіе того что было съ тобою, захочешь насильственно предаться внутренней жизни, ты только надорвешь душу и ни къ чему не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни. Туда перенеси и внутреннюю жизнь ея. Какъ возвысится теперь все то, что прежде дѣлалось въ смыслѣ одного долга и что теперь будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухого, земнаго, а превращеннаго въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St. François de Sales: *Sentez, mais ne consentez pas* *). Мало ли что осаждастъ нашу душу! Мы не можемъ не чувствовать того, что само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей какъ гимнастика тѣлу.

Не вздумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Хорошъ гусь! Нѣтъ, а говорить о такомъ предметѣ именно съ тобой будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь; а знать самого себя значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно.

Бадень
Юль 1851.

*) Чувствуйте, но не увлекайтесь чувствомъ.

III.

ПИСЬМО В. А. ПЕРОВСКАГО КЪ Ю. Θ. САМАРИНУ.

29 Марта 1849.

Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie. Afin que vous ne soyez pas choqué de la familiarité de la mienne, je dois vous expliquer par écrit ce que je vous aurais dit de vive voix, si vous m'aviez trouvé le jour où vous m'avez fait l'amitié de venir me voir *). Je vous aurais dit que pour moi, sans que vous vous en soyez douté, vous n'avez jamais été que Юша, l'enfant de parents que je connais et que j'aime depuis trente ans, et qui, j'en étais sûr, ont gardé de moi un souvenir amical. Vous ne m'avez jamais été чужой; j'ai souvent pensé à vous, et c'est avec intérêt et plaisir que j'apprenais d'abord la manière distinguée avec laquelle vous aviez achevé vos études, et plus tard, l'usage que vous faisiez des connaissances acquises, ainsi que vos efforts pour en acquérir de nouvelles. Ajoutez à cela, qu'à votre réussite (toujours sans que vous vous eu doutiez le moins du monde) j'attachais une espèce d'amour-propre: comme enfant vous m'étiez sympathique, et alors déjà moi, partisan de Lavater, je m'étais promis pour vous tout le bon que vous avez tenu depuis. Après cela vous comprendrez, cher ami, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. J'espère que votre modestie n'ira pas jusqu'à la désobligeance; vous ne supposerez pas que je vous flatte. Malgré mon incapacité à faire des phrases, j'en aurais trouvé de mieux tournées. Vous m'avez donné trente ans pour les préparer. Adieu, mon cher Georges; veuillez me mettre aux pieds de madame votre mère et en même temps dire à votre père que mon amitié une fois donnée, je n'y fais plus de soustraction; votre lettre me confirme dans la persuasion que de sa part il en est de même.

Votre dévoué В. Peroffsky.

Переводъ. 27 Марта 1849. Я получилъ письмо ваше и благодарю васъ за него. Чтобы не удивила васъ фамилярность нижеслѣдующихъ строкъ, дужно мнѣ объяснить вамъ письменно то, что я передалъ бы вамъ словесно, если бы вы застали меня дома въ тотъ день, когда оказали мнѣ дружбу навѣстивъ меня. Я сказалъ бы вамъ, что безъ вашего вѣдома вы для меня всегда были Юшею, сыномъ людей, которыхъ я знаю и люблю уже тридцать лѣтъ, и которые, я былъ увѣренъ, сохранили обо мнѣ дружеское воспоминаніе. Вы никогда не были мнѣ чужой. Я часто думалъ о васъ, съ участіемъ и удовольствіемъ узнавалъ сначала о томъ, какъ отлично кончили вы ученіе, потомъ, какое употребленіе сдѣлали вы изъ пріобрѣтенныхъ познаній и какъ

* В. А. Перовскій выразилъ самое некрещее участіе Самарину во время заключенія его въ Петропавловской крѣпости (по поводу Рижскихъ писемъ). Самаринъ, узнавъ объ этомъ, немедленно по освобожденіи, поѣхалъ къ Перовскому, но не засталъ его дома и написалъ ему письмо, въ отвѣтъ на которое и получилъ вышенапечатанное.

стараются приобрести новыя. Прибавьте къ этому, что (опять таки безъ малѣйшаго вашего вѣдома) слухъ о вашихъ успѣхахъ нѣкоторымъ образомъ льститъ моему самолюбію: я питалъ къ вамъ сочувствіе, когда вы были еще ребенкомъ и, будучи приверженцемъ Лафатера, я тогда уже ласкалъ себя мыслию о всемъ добромъ, что потомъ сдѣлалось вашимъ достояніемъ. Послѣ этого, любезный другъ, вы поймете, что меня благодарить не за чтò; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. Надѣюсь, что скромность ваша не доведетъ васъ до неучливости: вы не подумаете, что я вамъ льщу. Не смотря на то, что я неспособенъ говорить то чего не думаю, я все таки съумѣлъ бы лучше придумать фразы: вы мнѣ дали тридцать лѣтъ сроку, чтобы приготовить ихъ. Прощайте, мой любезный Юрій. Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ и скажите отцу вашему, что разъ я съ кѣмъ подружился, то сохраняю дружбу безповоротно. Письмо ваше меня удостовѣряетъ, что и съ его стороны тоже самое.

Преданный вамъ Перовскій.

О П Е Ч А Т К И И П О П Р А В К И.

На оберткѣ первой тетради Русскаго Архива вмѣсто: «княгиню Е. Э. Бѣлосельскую-Бѣлозерскую» слѣдуетъ: «княгиню Е. Э. Трубецкою, урожденною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою».

Къ стр. 159-й. Домомъ, нынѣ принадлежащимъ К. Т. Солдатенкову (на Мясницкой), владѣла не «пріятельница (какъ сказано) графа Ѳ. Г. Орлова, а Екатерина Александровна Ярославова, рожд. Павлова, родная сестра княгини М. А. Львовой (у Долгор. ч. I, стр. 188. № 121). Мужъ Екатерины Александровны былъ Тихонъ Александровичъ Ярославовъ, вступившій въ службу въ 1761., бригадиръ (1 Января 1786), поручикъ правителя Саратовскаго намѣстничества (какъ показано въ мѣсяцесловѣ на 1789 годъ), и умершій въ чинѣ д. с. с. до 1807 года. Покойница была женщина набожная, добродѣтельная, дѣлала много добра и своимъ и чужимъ.

На стр. 327-й при имени В. А. Муханова (№ 37-й) слѣдуетъ добавить: «умеръ 27 Ноября 1876».

На стр. 329-й при имени Николая Сергѣевича Муханова, вмѣсто 1852 года надо поставить годомъ его кончины 1862.

Первый стихъ въ вышенапечатанномъ Посланіи С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву, долженъ читаться такъ:

«Ахъ сколь ошиблись мы съ тобой, любезный другъ!»